

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древний Восток

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 5–19
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 5–19
© Автор(ы) 2016

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЕПОСТИ КУНЯ КААХКА В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

В.Н. Пилипко

*Институт археологии РАН, Москва,
pilipko2002@mail.ru*

Аннотация. Древнее городище Куня Каахка расположено на подгорной полосе Копетадага, примерно в 125 км юго-восточнее Ашхабада. Куня Каахка относится к числу крупнейших древних крепостей Южного Туркменистана. Она привлекала к себе внимание многих видных исследователей и даже была объектом раскопок (А.А. Семенов в 1928 году и Д.Д. Дурдыев в 1955 году), но в силу разных обстоятельств подробных сведений об этом памятнике в научной печати нет до сих пор. В данной заметке делается попытка отчасти исправить это положение. Ознакомление с ранее накопленными материалами и археолого-топографические исследования 1994 г. привели автора к выводу, что Куня Каахка не может быть определен как остатки города античного времени. Основные возражения против этого сводятся к тому, что в пределах огороженного стеной пространства нет характерной для городских структур плотной квартальной застройки. Пригорода как такового в окрестностях крепости также нет. Первое небольшое поселение на этой территории появилось, вероятно, в ахеменидское время. Оно продолжало функционировать в античный период. Хорошо выделяющиеся в рельефе внешние стены дают больше оснований датировать памятник раннесасанидским периодом. На это указывает использование кирпича толщиной 8–10 см и необычная треугольная форма промежуточных башен, нехарактерная для фортификационных сооружений аршакидского времени. Но в Мервском оазисе известен еще один памятник с подобными башнями (Чебишкен-депе), который уверенно датируется сасанидским временем. Относительно хорошая сохранность внешних стен крепости – еще

Пилипко Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

один довод в пользу ее более позднего происхождения. В постсасанидское время было несколько попыток ее восстановления. В частности, в 1382 году знаменитый полководец Тимур использовал ее остатки в качестве опорного пункта для своих войск, осаждавших крепость Келат.

Ключевые слова: история, археология, Средняя Азия, Туркменистан, Этек, архитектура сасанидского периода, Исидор из Харакса

Введение

Крепость Куня Каахка¹ расположена в 3 км северо-восточнее железнодорожной станции Каахка, в непосредственной близости от магистрального шоссе Ашхабад-Мары. Она находится на бойком месте, отличается крупными размерами, хорошей сохранностью своих внешних стен и невольно привлекает внимание каждого проезжающего по этой дороге. Здесь бывали А.В. Комаров, В.А. Жуковский, многие другие востоковеды и любители старины. Но в печати сведений о ранних посещениях этой крепости практически нет.

Только в 1928 г. Куня Каахка стала объектом специального изучения Хаверанской экспедиции, организованной и возглавляемой профессором Среднеазиатского государственного университета, известным российским востоковедом А.А. Семеновым². Среди членов экспедиции не было археологов. Древняя материальная культура данной области в то время практически не была известна. По этой причине изучение памятников доарабского времени ограничивалось сбором подъемного материала, техническим описанием древних объектов и их фотофиксацией. Результатом этих исследований стала инструментальная съемка плана крепости Куня Каахка, выполненная профессиональным топографом П.С. Бугро (рис. 1). Описание городища осуществил сам А.А. Семенов. Он же дополнил его извлечениями из трудов Шараф ад-Дин Йезди об осаде Тимуром в 1382 г. крепости Келат. В связи с тем, что осада последней затянулась, Тимур приказал для контроля над близлежащей местностью построить (точнее восстановить) старую крепость Каахка. По словам Шараф ад-Дина работа была выполнена за два дня³. Эта привязка к данным из письменных источников и инструментальный план стали важнейшим вкладом Хаверанской экспедиции в изучении памятника. Вопрос о времени строительства ранней крепости А.А. Семенов оставил открытым⁴. Позднее Куня Каахку последовательно посещали А.А. Марущенко (1936 г.), М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова (1947 г.), С.А. Ершов (1950 г.). Но только М.Е. Массон опубликовал свои наблюдения⁵.

Здесь необходимо сделать отступление от основной темы. В 40–50 гг. XX в. интерес ко всем крупным поселениям Каахкинского района возрос в связи с попытками установить местонахождение главного города древней области Апаварктикена, упомянутой в «Парфянских стоянках» Исидора Харакского. Зачинателем в этом деле был А.А. Марущенко. В 1930-х гг. на городищах Старая и Новая Ниса он провел первые раскопки и пришел к выводу, что есть все основания считать

¹ В современном туркменском написании «Койне Кака».

² Семенов 1931.

³ Семенов 1931, 25–26.

⁴ Семенов 1931, 24–27.

⁵ Массон 1953, 42–43.

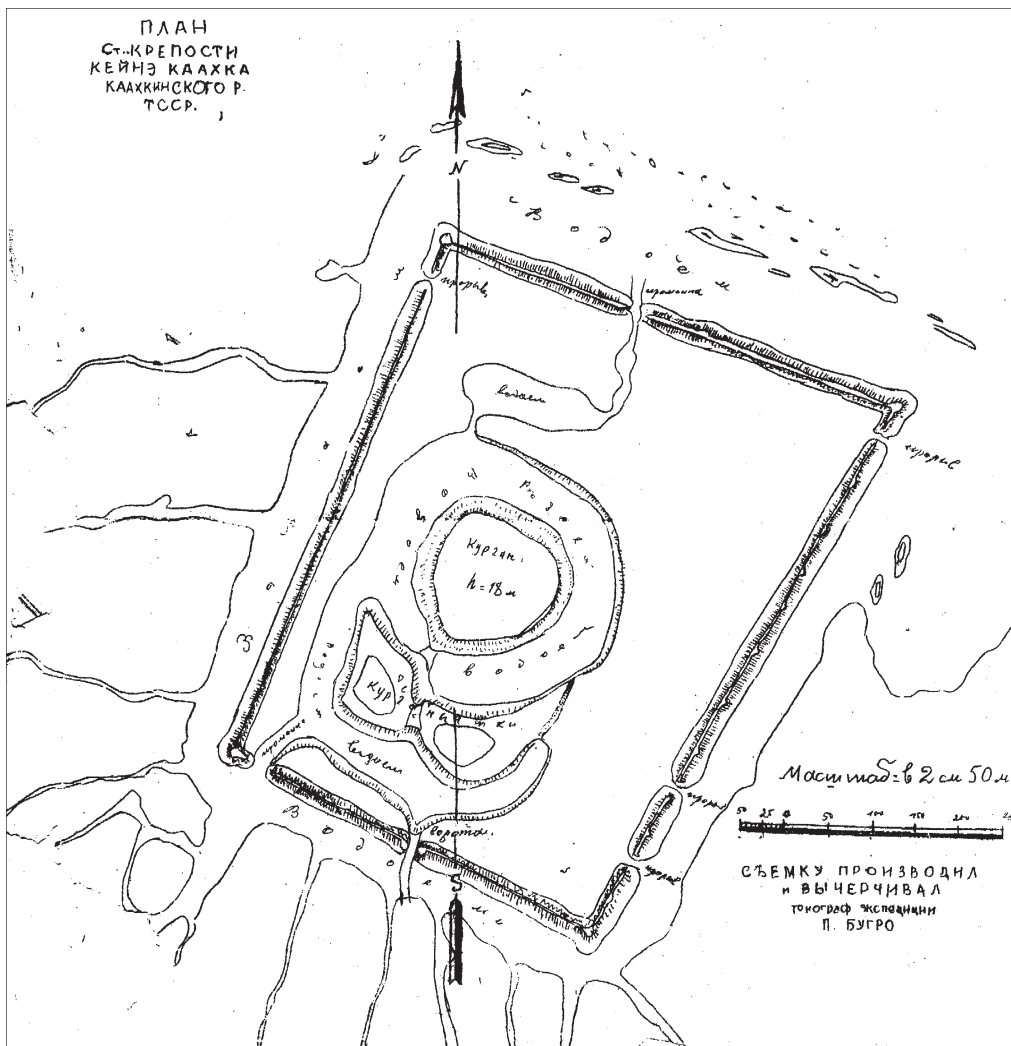

Рис. 1. План городища Куня Каахка. Инструментальная съемка 1928 года

их остатками Парфавнисы, упомянутой Исидором Харакским⁶. Это предположение породило еще одно: после Парфавнисы (Багира) древняя дорога следовала в юго-восточном направлении по подгорной полосе Копетдага, где, по мнению А.А. Марущенко, следует искать другие, названные Исидором, города – Гатар, Сирок, Апаварктика, Рагав. Местонахождение следующих за Парфавнисой двух остановок он определил легко и уверенно. Руководствуясь указаниями Исидора о расстоянии между этими тремя пунктами, А.А. Марущенко пришел к выводу, что город Гатар надо искать в районе современного селения Анау, а третью стоянку – Сирок – в районе Гяурса. Единственное древнее поселение городского типа

⁶ Марущенко 1939, 99; 2001, 405, 411.

в районе Анау – это городище Анау. А.А. Марущенко предложил данный объект считать соответствующим городу Гатар. Аналогичным способом было определено и местонахождение города Сирок.

Но с локализацией городов, расположенных в пределах предполагаемой древней Апаварктикены, возникли значительные трудности. Для дальнейшего пути Исидор точных расстояний между стоянками не сообщает. Указывается лишь последовательность их прохождения – сначала город Апаварктика, затем Рагав (Ragav). В этих условиях основанием для отождествления могли быть лишь крупные размеры древних руин и обязательная их принадлежность к аршакидской эпохе. Руководствуясь этими критериями, А.А. Марущенко предположил, что наиболее «подходящим» на роль главного центра данной области можно считать городище Хосров-кала, расположенное несколько западнее ж/д станции «Каушут». Среди прочих археологических памятников оно выделялось своими размерами, четкими внешними контурами и высотой. Судя по подъемному материалу, основные культурные слои этого городища относились к сасанидскому периоду, но большая высота холма и редкие находки фрагментов керамики, напоминающих нисийские образцы, давали основания предполагать, что город возник еще в досасанидское время. Второй город – Рагав А.А. Марущенко очень условно разместил в районе современного Серакса⁷.

Большинство советских, а затем и зарубежных исследователей согласилось с локализацией Парфавнисы в Багире. Но отождествление Апаварктики с Хосров-калой вызвало возражение у М.Е. Массона, который в 1947 г. совместно с Г.А. Пугаченковой совершил специальную разведывательную поездку от Ашхабада до Серакса, получившую условное обозначение «Маршрут Исидора Харакского». Двигаясь по пути, проторенному А.А. Марущенко, он согласился с локализацией Гатара и Сирока, но раскритиковал сопоставление Хосров-калы с Апаварктикой, а Серакса с городом Рагав. По мнению М.Е. Массона, по планировочной структуре и даже по названию Хосров-кала дает больше оснований рассматривать ее как остатки города сасанидского времени, и фрагментов керамики «нисийского типа» он здесь не обнаружил⁸. Его внимание больше привлекла крепость Куня Каахка. Это городище по своим размерам превосходит Хосров-калу, а большая высота ее цитадели допускает присутствие в ее основании слоев досасанидского периода. Следует, однако, отметить, что, предполагая строительство крепости в парфянской время, М.Е. Массон не сообщает о присутствии в подъемном материале с этого памятника фрагментов керамики аршакидской эпохи. Здесь, как и на Хосров-кале, доминировали находки сасанидского периода. На основании своего рекогносцировочного обследования данной крепости М.Е. Массон высказал предположение, что именно ее можно считать остатками Апаварктики⁹. А город Рагав он предложил искать не в Сераксе, который расположен в пределах уже другой историко-географической области, а в районе ж/д станции «Душак».

⁷ Сведения о древних городах Каахкинского района А.А. Марущенко не были опубликованы, но они были представлены на составленной им исторической карте, долгие годы экспонируемой в историческом музее Ашхабада.

⁸ Массон 1953, 41–42.

⁹ Массон 1953, 41–43.

После критических замечаний А.А. Марущенко проводит стратиграфические работы на Хосров-кале, в результате которых устанавливает, что данное поселение возникло еще в мидо-ахеменидский период и активно функционировало в аршакидское время¹⁰.

Завершая сюжет о Хосров-кале, следует отметить, что в середине 80-х гг. С.Д. Логинов тщательно проанализировал материалы из стратиграфических шурфов на этом городище, и, опираясь на новые хронологические колонки, разработанные для этого региона, пришел к выводу, что материалы II–I вв. до н.э. на Хосров-кале практически отсутствуют. Крупное поселение городского типа здесь, по-видимому, возникло только в начале нашей эры, соответственно нет оснований данное городище отождествлять с Апаварктикой¹¹.

В 1955 г. сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН СССР (ИИАЭ), вероятно, по инициативе А.А. Марущенко, были организованы разведывательные археологические работы и на Куня Каахка. Проводились они под руководством Д.Д. Дурдыева и при участии А.Ф. Ганялина. В процессе этих работ, помимо историко-топографического обследования городища и его окрестностей, закладывались контрольные зондажи в пределах огороженного пространства. На юго-восточном крепостном валу были расчищены две башни и куртина между ними, что позволило составить более полное представление о фортификационных особенностях крепости (рис. 2). На цитадели пройден большой стратиграфический шурф¹². Правда, из-за каких-то экстраординарных обстоятельств находки из нижних его слоев были утрачены до зарисовки, и полная публикация результатов исследований не состоялась.

В одностраничной справке Д.Д. Дурдыева много неточностей и недомолвок. Нет ответа даже на такой естественный вопрос: когда, кем и для каких целей была построена эта крепость? В справке сообщается, что общая толщина культурных отложений на цитадели составляет 13 м. Нижние четыре метра соотносены с античной эпохой. Какие-либо уточнения относительно времени основания крепости отсутствуют. Выше следуют 6 м. отложений V–VIII вв. Верхние три метра культурного слоя представляют эпоху развитого и позднего средневековья. Описание Д.Д. Дурдыева поясняет, что данное поселение непрерывно функционировало с античного времени до XVI в.

В личном архиве А.А. Марущенко удалось обнаружить листок с изложением результатов его ознакомления с коллекцией находок из этого шурфа уже в стенах Института¹³. В нем отмечается, что в коллекции представлены находки с 1-го по 20-ый ярусы, т.е. 10-ти верхних метров шурфа. Эта записка составлена для личного пользования, и при описании отдельных находок употреблены жаргонные определения «узбеки», «тимуриды», «афригиды». В справке присутствуют схематические изображения отдельных наиболее примечательных профилей.

¹⁰ Марущенко 1956.

¹¹ Логинов 1985.

¹² Дурдыев 1959, 12.

¹³ Архив Института археологии РАН. Ф. 15. Д. 17. Л. 1/2.

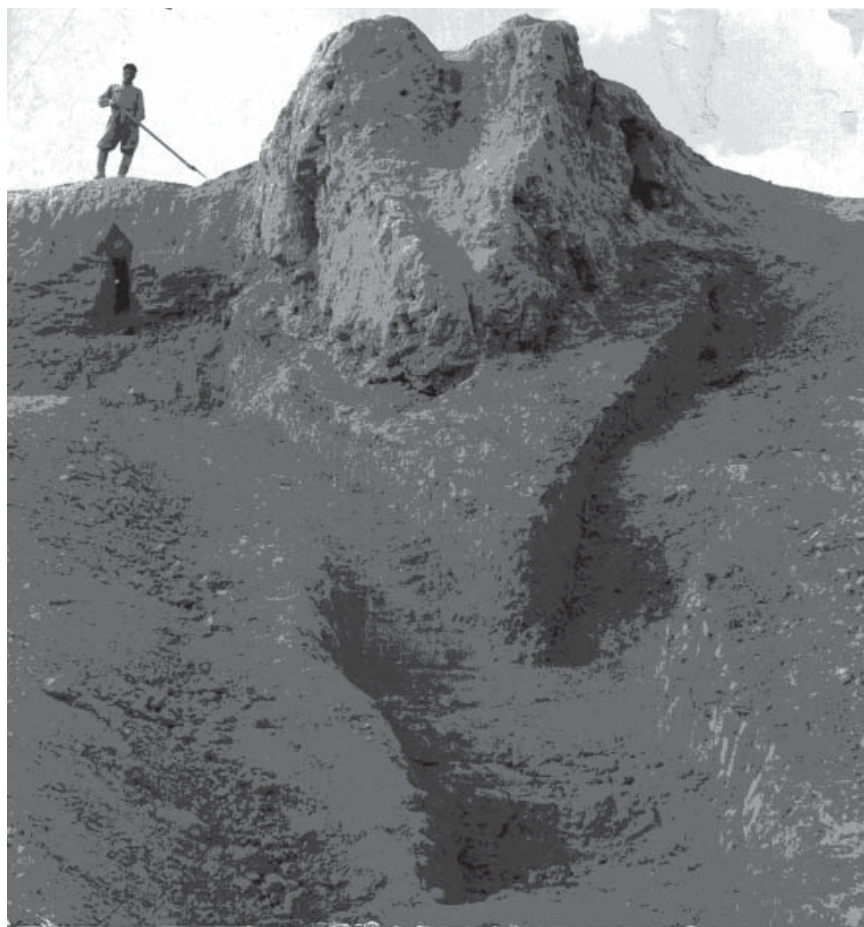

Рис.2. Расчистка крепостной стены. Раскопки 1955 г.
Фотография предоставлена Д.Д. Дурдыевым

Помимо такой характеристики материала, в записке, напротив соответствующих абзацев, проставлена датировка в числовом выражении. Например, напротив описания материалов из 1–3 ярусов сделана приписка «XIV–XVI вв.». В их обзоре указывается присутствие изделий с сочетанием коричневой и желтой глазури. По мере углубления увеличивается количество фрагментов с синей, ярко-голубой и монохромной зеленой глазурью. С 6-го яруса появляются отдельные фрагменты раннесредневековой керамики, но в целом напротив описания этого яруса помещена пометка «X–XII вв.», снабженная знаком вопроса. Некоторые фрагменты глазурованной керамики встречаются до 8-го яруса. С 9 по 16 ярусы керамика уже исключительно неглазурованная, и среди нее наиболее показательны венчики кувшинов (?) в виде вытянутого по вертикали утолщения, внешняя сторона которого разделена на два-три горизонтальных валика¹⁴. С 11-го яруса, наряду с ними,

¹⁴ Аналогии см., например: Пилипко 1978, рис. 9: для венчиков первого типа №№ 1,2; для второго типа – № 13.

широко представлены венчики горшков и кувшинов в виде короткого выступа наружу, имеющего плоскую верхнюю площадку, на последней часто имеется кольцевая ложбинка. В 19–20-х ярусах эти венчики становятся доминирующими. Напротив этого текста А.А. Марущенко сделана пометка – «III–IV вв.». Материалы аршакидского периода в рассматриваемой коллекции отсутствуют, но и Марущенко, и Дурдыев в последующих публикациях время основания Куни Каахки уверенно относят к античному периоду и рассматривают данную крепость как остатки города Рагав, упомянутого у Исидора Харакского¹⁵. М.Е. Массон также остался при своем прежнем мнении, но в обобщающей работе 1957 г. констатировал, что вопрос о локализации Апаварктики окончательно еще не решен¹⁶.

Необходимо отметить позицию еще одного активного исследователя древней архитектуры Южного Туркменистана – Г.А. Пугаченковой. В 1947 г. она вместе с М.Е. Массоном осматривала Куни Каахку, но в своих обобщающих работах по парфянской архитектуре исследователь эту крепость обходит молчанием¹⁷. Ввиду острых разногласий относительно местонахождения столичного города данной области и дефектности исследований 1955 г. следовало бы ожидать проведения здесь новых, более основательных раскопок, но в 1959 г. в крепости обосновались военные, и более чем на два десятилетия она стала недоступна для археологических исследований.

В XX в. последнее по времени обследование крепости осуществлялось автором данного сообщения осенью 1994 г. Это не было специальное целевое посещение. Мы с Х. Юсуповым возвращались из другой экспедиции и на несколько часов остановились на Куни Каахка. Соответственно, осмотр был очень беглым, и не все важные детали удалось зафиксировать.

На юго-восточной внешней стене были осмотрены остатки недавно рухнувшей башни. Из свежего развала удалось извлечь несколько целых кирпичей и установить их формат: 40 x 40 x 8–10 см. На нескольких блоках были зафиксированы клейма в виде двух параллельных прямых полос по центральной части кирпича.

Осмотр цитадели показал, что в период ее использования военными с западной стороны с помощью бульдозера был устроен пандус, ведущий на вершину. В образовавшемся обрыве обнажилась кладка из сырцового кирпича того же формата, что и на крепостной стене. Из нее было извлечено несколько фрагментов разновременной керамики. Наиболее примечательны венчик корчаги ахеменидского времени (рис. 3,6) и фрагмент чаши, характерной для эллинистического периода (рис. 3,3). Следует также упомянуть фрагмент «подкоса», поднятого с поверхности, прилегающей к цитадели возвышенности (рис. 3,7). Было обращено внимание на практически полное отсутствие культурного слоя вне цитадели и прилегающего к ней с юго-запада плазмоида. Обследование небольших возвышенностей к западу от крепости показало их малочисленность и разновременность. Это явно не пригород античного города.

¹⁵ Марущенко 1956, 142–143; Дурдыев 1974, 44.

¹⁶ Массон 1957, 99.

¹⁷ Пугаченкова 1952, 215–225; 1958, 26–60.

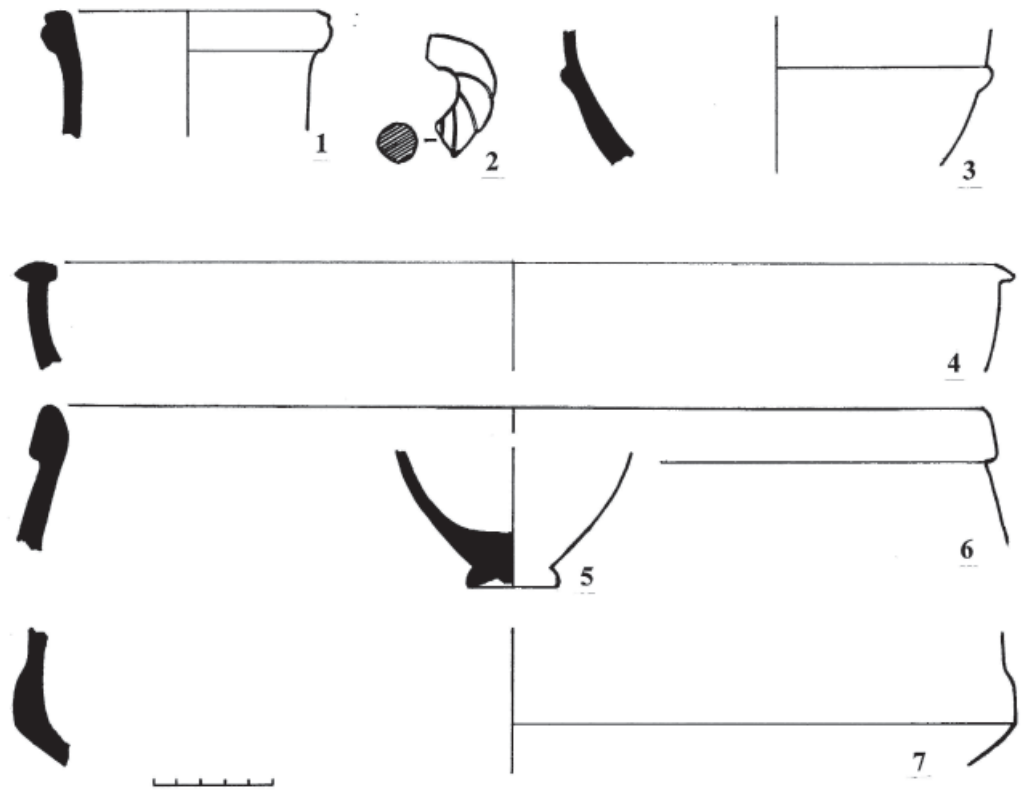

Рис.3. Куня Каахка. Некоторые образцы керамики. Сборы 1994 г.

Поскольку вопрос о датировке Куня Каахка по-прежнему открыт, имеет смысл еще раз проанализировать весь доступный материал по этому, явно неординарному, памятнику. Крепость находится в низовьях одного из русел реки Лоинсу, в хорошо обводненной местности. Еще до ее появления здесь располагались какие-то небольшие поселения. Судя по сборам 1994 г., в пределах будущего огороженного пространства находились остатки небольших поселений ахеменидского и эллинистического времени. Есть основания предполагать, что остатки этих ранних поселений продолжали использоваться в аршакидское время, и в результате здесь образовался довольно большой холм (6–7 га), предположительно прямоугольный в плане очертаний. Его контуры можно рассмотреть на снимках из космоса (рис. 4). Этот холм послужил основанием для цитадели новой крепости. Цитадель заняла северо-восточную его часть. Контуры собственно крепости очерчены мощной внешней стеной. Крепость в плане имела форму неправильного четырехугольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Ориентация прямоугольника, вероятно, обусловлена направлением течения протоки Лоинсу, которая была включена в пределы крепости. Ручей (или канал?) входил внутрь вблизи западного угла крепости и выходил за ее пределы в средней части северо-восточной стены (рис. 1).

Рис.4. Куня Каахка. Космическая съемка

Площадь крепости составляла около 34 га. Длина северо-восточного отрезка стены составляла 587,5 м, юго-восточного – 737,5 м, юго-западного – 487,5 м и северо-западного – 675 м. Общая протяженность крепостных стен равнялась 2487,5 м. Куня Каахка была усилена часто расположенными башнями, имеющими в плане необычную треугольную форму¹⁸. Без раскопок точное число промежуточных башен определить трудно, но можно предполагать, что их было не менее 120. На углах крепости располагались более мощные башни, вероятно, имевшие полуовальную форму. Два подобных бастиона фланкировали въезд, размещенный в середине юго-западного фасада. Д.Д. Дурдыев сообщает о вторых воротах, расположенных в северо-восточной стене. Но эта информация нуждается в проверке. Не исключено, что это не ворота, а место вывода речного русла за пределы крепости, оно нуждалось в частых ремонтах. При строительстве цитадели и крепостных стен сразу были обустроены рвы (грунт из них использовался на выделку кирпичей). Особенно мощным был ров вокруг цитадели. Ширина его достигала 50–60 м.

Следует обратить внимание на то, что за пределами цитадели и юго-западного плазоида культурный слой практически отсутствует. Это явно свидетельствует о том, что Куня Каахка была именно крепостью, а не длительно функционирующим

¹⁸ Д.Д. Дурдыев называет их «килевидными».

городом. Вызывает возражение и утверждение Д.Д. Дурдыева о существовании вокруг крепости обширного пригорода. Сейчас с трех сторон укрепления никаких всхолмлений искусственного происхождения нет¹⁹. Некоторое количество мелких холмов прослеживалось в 300–500 м к западу от крепости, но это остатки разновременных мелких поселений. Часть из них действительно синхронна крепости, но имеются также остатки эллинистических и средневековых усадеб.

Внешняя крепостная стена до сих пор четко выражена в рельефе. В ней имеется несколько проранов, позволяющих легко изучить ее устройство, но в доступных мне материалах сведений об общей толщине и о конструктивных особенностях стены обнаружить не удалось, и сам я при посещении крепости в 1994 г. этого также не сделал. В оплывшем состоянии вместе с башнями, судя по плану П.С. Бугро, ширина стены достигала 25–30 м. На юго-восточном фасаде Д.Д. Дурдыев расчистил две башни и куртину между ними. Башни в плане имеют необычную треугольную форму. Ширина их в основании – 5,15 м, за красную линию стены они выступают примерно на 9 м. Внутри башен устроены небольшие трапециевидные очертания стрелковых камер. В них устроено по две бойницы, створ которых направлен примерно на «острие» соседней башни²⁰. С внутренним коридором (или с валгангом?) камеры сообщались проемами шириной 80–85 см (рис. 5). При раскопках расчищалась только внешняя сторона стены, поэтому общая

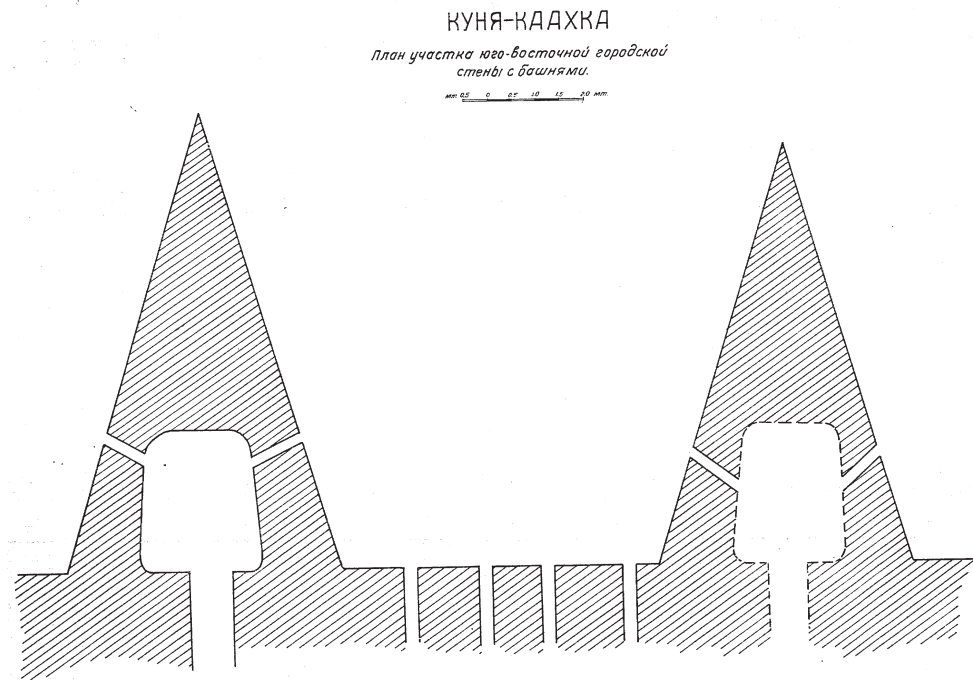

Рис.5. Раскопки 1955 г. Расчистка крепостной стены

¹⁹ На снимке 1928 г. «Вид на крепость с юга» никаких возвышенностей не прослеживается. (Семенов 1931, табл. XVII).

²⁰ Д.Д. Дурдыев ошибочно пишет о трех бойницах, расположенных веерообразно.

конструкция последней оставалась не выявленной. Стены башен довольно тонкие: 1–1,4 м. Судя по чертежу, толщина внешней барьерной стены была не менее 1,8–1,9 м. Башни располагались в 6,5 м друг от друга. В стене между ними устроено еще четыре бойницы. Конструкция всех бойниц, вероятно, была одинакова. Они имели вид прямоугольных щелей 1,0 x 0,2 м, увенчанных треугольными навершиями (рис. 6). Контур последних формировался из трех специально подтесанных кирпичей. Общая высота бойниц – 1,4 м. Нижняя их плоскость имела крутой скос.

Несложные арифметические подсчеты позволяют предполагать, что для защиты периметра оптимально требовалось около 1300 стрелков. С учетом сменной команды стрелков и оперативного резерва гарнизон этой крепости должен был насчитывать не менее 3000 воинов.

Приведенные выше данные свидетельствуют, что в силу разных обстоятельств исследования 1955 г. не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они были невелики по масштабу: шурф на цитадели и незавершенная расчистка стены²¹. Полученные при раскопках материалы, хотя бы из верхних слоев, не были опубликованы. Время основания цитадели точно не установлено, и даже нет уверенности, что шурф был доведен до «материка». По данным топосъемки, высота цитадели равна 18 м, а глубина шурфа составила всего 13 м.

Тем не менее все участники обозначенной выше дискуссии удовлетворились полученными результатами, и А.А. Марущенко²², и М.Е. Массон²³ в дальнейших своих публикациях исходили из того, что Куня Каахка – это остатки античного в своей основе города. Однако мне такое заключение не представляется очевидным.

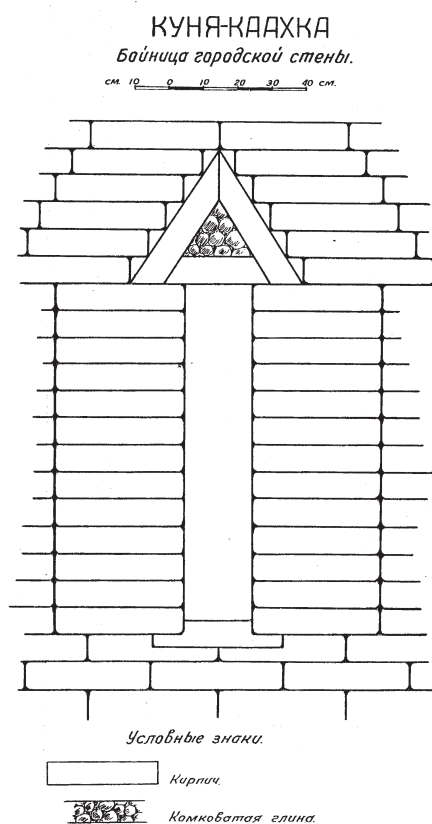

Рис.6. Раскопки 1955 г. Бойница

²¹ Полный ее профиль не выявлен, не установлено, проходила ли по верху открытая галерея или был крытый коридор.

²² Марущенко 1959, 71–72.

²³ Однако в своей итоговой публикации он указал, что вопрос о локализации Апаварктики окончательно не решен. Массон 1955, 24.

Ознакомление с ранее накопленными материалами и археолого-топографическими исследованиями 1994 г. привели меня к выводу, что данный объект не может быть определен как остатки города античного времени. Основные возражения против этого уже высказаны выше. В пределах внешних стен нет характерной для городских структур плотной квартальной застройки. Пригорода как такового в окрестностях крепости также нет. Натурные наблюдения и сравнительный анализ показали, что четырехугольник внешних крепостных стен есть основание относить к постаршакидскому времени. Прежде всего следует обратить внимание на формат сырцового кирпича, из которого возведены эти стены. На первый взгляд, это обычный «парфянский» кирпич с преобладающим размером 40 x 40 см, на некоторых блоках даже имеются клейма, характерные для античного времени. Но в данном случае большое значение имеет толщина блоков. Стены Куня Каахки сложены из сырцовых плит толщиной 8–10 см, в то время как на памятниках аршакидского времени они имеют толщину от 10 до 16 см, преимущественно 12–13 см.

Второй, еще более важный, признак – необычная треугольная форма башен. Это не продукт местной градостроительной традиции, модель явно привнесена извне. В пределах Южного Туркменистана мне известен еще один памятник с подобными башнями. Это крепость Чебишкен-депе, расположенная в 10 км севернее современного города Мары²⁴. Это небольшая квадратная в плане крепость (ок. 100 м в стороне), имеющая также треугольные промежуточные башни. Чебишкен-депе уверенно датируется сасанидским временем, здесь даже найдены фрагменты сосудов со среднеперсидскими надписями. Возвращаясь к «тонкому» кирпичу, следует указать, что подобный строительный материал использовался также на таких раннесасанидских памятниках Этека, как «ранний замок» на поселении Ак-депе у Артыка²⁵, крепость Дашлы-1 в Дашлинском оазисе и в укреплении Яссыджа у Карахана²⁶.

Для оборонительных сооружений поздnearшакидского и раннесасанидского времени характерна еще одна черта, свойственная и Куня Каахке – очень частое расположение башен. Эта тенденция прослеживается уже в ряде поздnearшакидских памятников (ср. Геоктепинское городище²⁷, Игды-кала²⁸, Чакан-депе²⁹). В замке Ак-депе у Артыка полукруглые башни фактически утратили свое первоначальное назначение – увеличение мощности внешних стен, обеспечение флангового обстрела. Здесь они находятся на стадии превращения в декоративный архитектурный элемент – гофры³⁰, столь популярный в последующие столетия.

На сасанидский возраст стен Куня Каахки указывает и «начинка» цитадели – основные слагающие ее слои относятся к V–VII вв. Это показатель того, что цитадель и внешняя стена возникли одновременно. Стены внешнего четырехугольника не производят впечатления древних, а лишь подновленных в сасанидское время конструкций.

²⁴ Пилипко 1973.

²⁵ Губаев, Логинов 1998, 40.

²⁶ Логинов 1991, 9.

²⁷ Пилипко 1990, 96–98.

²⁸ Юсупов 1979.

²⁹ Пилипко 1990, табл. XII, XV.

³⁰ Губаев, Логинов 1998, 38, илл. 4.

Письменные источники указывают на побудительные политические причины появления столь грандиозной, по местным меркам, крепости в пределах Этека в IV–VI вв.: подгорная полоса Копетдага была ареной ожесточенных схваток между Сасанидами и хионито-эфталитскими объединениями.

Куны Каахка предоставляет прекрасные возможности и для изучения местной культуры конца XIV–XVI вв. Дата появления тимуридских войск в Куны Каахке точно известна благодаря сообщению Шараф ад-Дина Йезди – реставрация крепости проведена в 1382 г. Присутствие материалов этого времени зафиксировано в пределах цитадели. При активных археологических исследованиях они, несомненно, будут обнаружены и в других частях крепости. По словам того же автора, крепость была построена за два дня. Но надо полагать, что за это время древняя крепость была просто приспособлена для расположения войск. Это свидетельствует о том, что сасанидская крепость в конце XIV в. все еще находилась в прекрасном состоянии. Два дня, видимо, понадобилось для того, чтобы почистить стрелковую галерею и разместить палатки не в чистом поле, а под защитой крепостных стен. Реальными следами этой деятельности, возможно, являются глиняные заглушки в верхних частях бойниц (рис. 6).

Среди малых холмов, расположенных в окрестностях крепости, были остатки усадеб XV–XVI вв. На одной из них, располагавшейся на месте современной автозаправочной станции, был найден небольшой кувшинчик с монетами, чеканенными от имени Шахруха, сына Тимура³¹. Следует отметить, что в истории крепости не прояснен вопрос о времени ее окончательного запустения. В предварительных публикациях это событие относится к XVI в., но присутствие керамических изделий, сочетающих глазури коричневого и желтого цветов, допускает и более позднюю дату.

* * *

Туркменским археологам и органам охраны памятников следовало бы обратить особое внимание на этот неординарный памятник. Активные и в то же время бережные его раскопки, несомненно, дадут новые интересные факты по древней и средневековой истории этого региона и одновременно создадут основу для превращения древней крепости Куны Каахка в первоклассный экспозиционный и рекреационный объект.

ЛИТЕРАТУРА

- Губаев, А.Г., Логинов, С.Д. 1998: Итоги изучения сасанидского поселения Ак-депе. В сб.: *Культурные ценности*. СПб., 36–60.
- Дурдыев, Д.Д. 1959: Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР в 1954–1957 гг. *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР* 5, 7–14.
- Дурдыев, Д.Д. 1974: Архитектура рабовладельческого периода. В кн.: *Архитектурные памятники Туркменистана*. Л., 31–44.

³¹ Юсупов, Ходжаниязов 1973, 29–30.

- Логинов, С.Д. 1985: Проблема локализации Апаварктикены и ее центра Апаварктики. *Известия АН ТССР. Серия общественных наук* 5, 63–69.
- Логинов, С.Д. 1991: *Культура Апаварктикены в эпоху Сасанидов (III–VII вв. н.э.)*: автореф. дис. канд. ист. наук. Л.
- Марущенко, А.А. 1939: Анау. Историческая справка. В кн.: *Архитектурные памятники Туркмении* I. М.–Ашхабад, 96–101.
- Марущенко, А.А. 1956: Хосров-кала (отчет о раскопках 1953 г.). *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР* 2, 107–160.
- Марущенко, А.А. 1959: Елькен-депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.). *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР* 5, 54–109.
- Марущенко, А.А. 2001: Старая Неса (информационное сообщение ТГНИИ об итогах раскопок городища в 1930–31, 1934–35 гг.). В кн.: В.Н. Пилипко *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период*. М., 405–411.
- Массон, М.Е. 1953: Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года. *Труды ЮТАКЭ* 2, 7–72.
- Массон, М.Е. 1955: Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. *Труды ЮТАКЭ* 5, 7–70.
- Массон, М.Е. 1957: Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. В кн.: *История Туркменской ССР*. Т.1. Кн. 1: *С древнейших времен до конца XVIII века*. Ашхабад, 87–127.
- Пилипко, В.Н. 1973: Чебишкен-депе. В сб.: *Памятники Туркменистана* 2, 24–25.
- Пилипко, В.Н. 1978: Ярык-депе. В сб.: *Каракумские древности* 7, 14–31.
- Пилипко, В.Н. 1990: *Позднепарфянские памятники Ахала*. Ашхабад.
- Пугаченкова, Г.А. 1952: Парфянские крепости Южного Туркменистана (из материалов работ ЮТАКЭ). *ВДИ* 2, 215–235.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. *Труды ЮТАКЭ* 6. М.
- Семенов, А.А. 1931: Древности Абивердского района. *Труды САГУ*. Сер. 2. Вып. 3. Ташкент.
- Юсупов, Х. 1979: Игдыкала – парфянская крепость на Узбое. В сб.: *Этнография и археология Средней Азии*. М., 53–58.
- Юсупов, Х., Ходжаниязов, Т. 1973: Клад серебряных монет. В сб.: *Памятники Туркменистана* 2. Ашхабад.

REFERENCES

- Durdyev, D.D. 1959: Itogi polevyh rabot sektora arheologii Instituta istorii, arheologii i jetnografii AN Turkmenskoj SSR v 1954–1957 gg. *Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii Akademii nauk Turkmenskoj SSR* 5, 7–14.
- Durdyev, D.D. 1974: Arhitektura rabovladel'cheskogo perioda. In: *Arhitekturnye pamjatniki Turkmenistana*. Leningrad, 31–44.
- Gubaev, A.G., Loginov, S.D. 1998: Itogi izucheniya sasanidskogo poselenija Ak-depe. In: *Kul'turnye cennosti*. Saint-Petersburg, 36–60.
- Loginov, S.D. 1985: Problema lokalizacii Apavarktikeny i ee centra Apavarktiki. *Izvestija AN TSSR. Serija obshhestvennyh nauk* 5, 63–69.
- Loginov, S.D. 1991: *Kul'tura Apavarktikeny v jepohu Sasanidov (III–VII vv. n.je.)*: avtoref. dis. kand. ist. nauk. Leningrad.
- Marushchenko, A.A. 1939: Anau. Istoricheskaja spravka. In: *Arhitekturnye pamjatniki Turkmenii* I. М.–Ashhabad, 96–101.

- Marushchenko, A.A. 1956: Hosrov-kala (otchet o raskopkah 1953 g.). *Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii Akademii nauk Turkmensoj SSR* 2, 107–160.
- Marushchenko, A.A. 1959: El'ken-depe (otchet o raskopkah 1953, 1955 i 1956 gg.). *Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii Akademii nauk Turkmensoj SSR* 5, 54–109.
- Marushchenko, A.A. 2001: Staraja Nesa (informacionnoe soobshhenie TGNII ob itogah raskopok gorodishha v 1930–31, 1934–35 gg.). In: V.N. Pilipko *Staraja Nisa. Osnovnye itogi arheologičeskogo izučenija v sovetskij period*. M., 405–411.
- Masson, M.E. 1953: Juzhno-Turkmenistanskaja arheologičeskaja kompleksnaja jekspedicija (YuTAKE) 1947 goda. *Trudy YuTAKE* 2, 7–72.
- Masson, M.E. 1955: Narody i oblasti juzhnoj časti Turkmenistana v sostave Parfjanskogo gosudarstva. *Trudy YuTAKE* 5, 7–70.
- Masson, M.E. 1957: Narody i oblasti juzhnoj časti Turkmenistana v sostave Parfjanskogo gosudarstva. In: *Istorija Turkmensoj SSR*. T.1. Kn. 1: *S drevnejših vremen do konca XVIII veka*. Ashhabad, 87–127.
- Pilipko, V.N. 1973: Chebishken-depe. In: *Pamjatniki Turkmenistana* 2, 24–25.
- Pilipko, V.N. 1978: Jaryk-depe. In: *Karakumskie drevnosti* 7, 14–31.
- Pilipko, V.N. 1990: *Pozdneparfjanskije pamjatniki Ahala*. Ashhabad.
- Pugachenkova, G.A. 1952: Parfjanskije kreposti Juzhnogo Turkmenistana (iz materialov rabot YuTAKE). *VDI* 2, 215–235.
- Pugachenkova, G.A. 1958: Puti razvitija arhitektury Juzhnogo Turkmenistana pory rabovladienija i feodalizma. *Trudy YuTAKE* 6. Moscow.
- Semenov, A.A. 1931: Drevnosti Abiverdskogo rajona. *Trudy SAGU*. Ser. 2. Vyp. 3. Tashkent.
- Jusupov, H. 1979: Igdykala – parfjanskaja krepost' na Uzboe. In: *Jetnografija i arheologija Srednej Azii*. M., 53–58.
- Jusupov, H., Hodzhanijazov, T. 1973: Klad serebrjanyh monet. In: *Pamjatniki Turkmenistana* 2. Ashhabad.

TO THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF OLD QAHQA FORTRESS IN THE SOUTHERN TURKMENISTAN

Victor N. Pilipko

Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Russia,
pilipko2002@mail.ru

Abstract. Old Qahqa (Kunja Qaahqa) is among the largest ancient fortresses of Southern Turkmenistan. It drew the attention of many well-known researchers and even was an excavation site, but due to different circumstances there is still no detailed information on this monument. In this article an attempt is made to change the situation partly. The early settlement in this territory appeared probably during the Achaemenid period. But the fortress, which the part was dated by scholars to the Parthian time, is surely dated to the Early Sassanid period. In the Middle Ages there were some more attempts of its restoration. It was used by the famous military leader Timur in 1382 under the siege of Qalat Fortress.

Key words: history, archeology, Central Asia, Turkmenistan, Etek, Sasanian architecture, Isidore bey Charax
